

Белорусская экологическая культура в пространстве диалога восточной и западной традиций

*М. А. Можейко, заведующая кафедрой философии
БГУ культуры и искусств, доктор философских наук, профессор*

Современная модель гуманной глобализации основана на презумпции необходимости культурного разнообразия. Его защита не только обозначена Генеральным директором ЮНЕСКО г-ном Коитиро Мицуурой как важнейший инструмент «гуманизации глобализации», но и объявлена Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) «этическим императивом» современности [см. 6].

На рубеже XX—XXI вв. социальная философия явным образом зафиксировала наличие особого свойства плюральной культурной среды, открывающей возможности для широкого диалога культурных традиций: оно заключается в том, что **новации в сфере нематериальной культуры возникают именно в неоднородном культурном пространстве**. В силу этого актуальным становится исследование тех культурных традиций, которые возникают в контексте взаимодействия западных и восточных культур.

Ситуации взаимодействия западных и восточных версий мироинтерпретации, пришедших во взаимодействие в силу внешних для них цивилизационных обстоятельств, неизменно характеризовались чрезвычайной креативностью, задавая в истории культуры новые тенденции ее развития. Примерами таких ситуаций могут служить взаимовлияние древнегреческой и восточной культур в период завоеваний Александра Македонского, породившее богатство и раз-

нообразии эллинистической культуры; взаимодействие ближневосточного иррационализма в лице иудаистического монотеизма и западно-европейской рациональности в лице античной философии, послужившие культурной основой формирования христианства; взаимодействие арабской и европейской культур во времена мавританского владычества в Испании, породившее блестящий феномен андалусской культуры; соприкосновение западноевропейских (сначала испанской, затем — американской) литературных традиций с автохтонной культурой Филиппин, вызвавшее к жизни филиппинскую прозу как особый феномен в истории литературы, и др.

В качестве примера, моделирующего ситуацию взаимодействия традиций в этом масштабе, может быть рассмотрена и экологическая культура восточных славян.

Важнейшим моментом, характеризующим развитие восточнославянской экокультуры, является то обстоятельство, что ситуация напряженного взаимодействия далеких друг от друга семантико-аксиологических традиций является для нее неизменной и постоянной. Евразийский характер данной культурной среды задает особый контекст ее развитию: духовное пространство культуры восточных славян выступает как своего рода *место встречи* традиций Востока и Запада.

При анализе конкретных культурных феноменов и процессов в этом контексте следует иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, речь идет отнюдь не о заимствовании западных или восточных образцов мироинтерпретации. Напротив, в обрисованном контексте следует отметить, что чем более богатой, оригинальной и разнообразной является культурная среда, в духовном пространстве которой происходит соприкосновение различных культурных традиций, тем большую толерантность способна она проявить при столкновении с непонятными, непохожими ценностями. Иными словами, чем самобытнее формы духовной жизни, развиваемые этнонациональной культурой, тем более продуктивным может оказаться кросс-культурный диалог, осуществляющийся в ее духовном пространстве.

Во-вторых, речь идет не о внешних формах влияния западной или восточной традиций на чуждую им культуру, т.е. не о включении в ее контекст тех или иных экзотических по отношению к ее исходному содержанию идей и концепций, остающихся маргинальными по отношению к ее исходному содержанию (хотя и оказывающих определенное воздействие на материковую традицию), но о глубинной интегральности восточнославянской культуры как таковой, органичном вхождении в содержание ее мировоззренческих оснований ценностных аспектов, генетически восходящих и к западной, и к восточной формам рациональности.

Западная цивилизация решает задачи индустриализации в контексте модернизации сознания: субъект осмысливается как носитель уникального «бог вдохновенного» проекта существования и предметной областью его осуществления выступает, в первую очередь, сфера повседневности, прежде всего — профессия, ремесло. Природоустроительная деятельность получает личностную мотивацию и обретает сакральный характер. В восточных традициях модернизация сознания осуществляется за счет выработки особых форм коллективной ответственности (корпоративно-фирменная организация производства и др.). Что же касается рефлексивного осмысления проблемы «человек — природа» и, соответственно, эксплицирования содержания универсалии культуры «природа», то это относится к моментам, универсальным для любых социальных организмов, осуществляющих модернизационные процессы.

Возможна и нетипичная ситуация, имеющая место при фронтальном столкновении западной и восточной экокультурных традиций в духовном пространстве конкретно-национальной культуры. Она может быть прослежена на материале пограничных культур. Например, в культуре арабизированной Испании XI—XII вв. восточный идеал невмешательства человека в сакральную гармонию богоустановленных природных закономерностей противоречит активистской позиции возделывания природы, характерной для автохтонной европейской традиции. Результатом этого столкновения является не только образование систем хозяйства, культивирующих варварские способы потребления природы, но и деформации массового экосознания. Индикатором их является вымывание из культуры восприятия природы как ценности (вылоть до деградации пейзажной лирики как поэтического жанра).

Иначе протекает аналогичный процесс в восточнославянской культуре, явившейся в самом широком смысле полем соприкосновения западной и восточной цивилизационных стратегий и культурных традиций [4]. В восточнославянском менталитете наложение друг на друга двух противоположных мировоззренческих парадигм — западной парадигмы природопользования, видящей в природе средство для реализации деятельностной активности человека, и идущей от экотрадиции Востока парадигмы вписывания в гармонию спонтанных космических процессов, основанной на идее самоценности природы, — привело к совершенно иным последствиям.

Классическим примером экологической культуры, формирующейся на стыке экотрадиций Запада и Востока, может служить белорусская экокультура, что наглядно проявляется в такой ее сфере, как трактовка антропоприродного взаимодействия.

Традиции белорусской национальной культуры, рассмотренные под углом зрения их экологических ориентаций, могут быть с полным правом отнесены к экофильным. С одной стороны, это связано с сохранением в классическом белорусском экосознании традиционных архетипов антропоприродной гармонии. С другой — выступает результатом содержательного взаимодействия в контексте белорусской культуры глубинных ценностных установок западной и восточной традиций, ориентированных

соответственно на идеал внешнего активизма, предполагающего преобразование природы, и идеал внутренней активности духовного самосовершенствования.

Так, белорусская экоккультура в значительной степени сохраняет в своем содержании автотонные установки традиционного белорусского самосознания, для которого была характерна синтетическая интерпретация отношений человека и природы. Так, в ранних культурных памятниках Беларуси жизнь природы трактуется как органичная часть человеческой судьбы: основные события крестьянской жизни сопряжены с сельскохозяйственными работами и подчас напрямую «продиктованы» природными явлениями, становящимися в условиях неразвитой агротехники факторами социальных процессов. Барколабовская летопись, например, объясняет массовые миграции населения неурожаями и сильными морозами [4, с. 98—99].

Развитие этой темы приводит к складыванию в белорусской традиции тенденции к трактовке природы как решающего фактора человеческого существования. В повести Якуба Коласа «Нёманаў дар» отчетливо проявляется указанная парадигма: Неман «для сяла быў я родны бацька: і паіў, і карміў, і на сваіх плячах кожнага вынасіў, і кожнага за лета разоў тры ў Коўна і Гродна вазіў, ды яшчэ і на дарогу даваў грошы. <...> Нёман быў нервам сяла, які будзіў яго жыццё і прымушаў чутка прыслухоўвацца да таго, што робіцца навакол. І ўсе важнейшыя справы былі так ці іначай звязаны з Нёманам... Кожны крок Нёмана, кожны спад ці прыбыль вады ў ім не праходзілі незаўважнымі для сялян» [4, с. 245].

Однако связь человека с природным окружением в классической белорусской культуре гораздо глубже. Она не ограничивается осознанием практической зависимости человека от природы. В их взаимодействии есть и обрат-

ный вектор — вектор, трактующий душевную (причем не только духовную, но и эмоциональную) жизнь человека как фактор жизни природы.

Базовые парадигмы мироинтерпретации Запада и Востока, — казалось бы несовместимые в семантическом и аксиологическом отношениях — при своем взаимодействии в пространстве белорусской культуры, основанной на традиционном идеале антропоприродной гармонии, дают уникальный результат, формируя специфически артикулированный тип экологического сознания.

Эта специфическая артикуляция белорусского экосознания заключается в том, что оно основано на интегральном восприятии человеком себя и своего природного окружения, причем последнее мыслится как особая, интимно значимая для него микроландшафтная зона («своя земля»), зависящая в своей эволюции от человеческих усилий — как внешне практических, так и внутренне душевных. И себя в этом контексте человек осознает не как стоящего над природой ее господина и владыку* и не как выделенного из нее носителя духа (и в том, и в другом случае человек оказывается вне природы), но как ее рачителя, чье бытие в своей целостности выступает неотъемлемой частью бытия мироздания в целом.

В белорусском экосознании западная парадигма природопользования и восточная парадигма растворения в природном контексте при одновременной отстраненности от природного естества снимаются в новой версии видения отношения человека к природному миру: человек понимается как устроитель той среды, в которую он интегрально включен.

Классическая белорусская культура формирует идеал антропоприродной гармонии, сохраняя и развивая на новой основе традиционную установку на олицетворение и одухотворение

*Разумеется, в белорусской культуре, как и в любой культуре Европы, подобная парадигма также оформляется: например, в поэме Янки Купалы «Адвечная песня» в монологе Жизни на крестинах звучит именно этот пафосный новоевропейский мотив: «Усяільная рукою тварэння / Даю яму права існання, / На ўладу ваду і зямлю, / Душу яму такжа даю. / Пад уладай сваёй будзе меці / Як ёсць усё чыста на свеце <...> / І рэкі, і доли, і горы / Яго будуць слухаць з пакорай... <...> / І будзе цар гэты навск / Названне насіць — чалавск» [4, с. 244]. Однако на практике специфику экоккультуры определяет не факт наличия или отсутствия подобных мотивов, но их аксиологический статус в культуре (например, доминирование или периферийность). Очевидно, что у Янки Купалы пафос природопреобразования окрашен горькой иронией: «Лясы ён абярне на поле, / Усялякія ўстроіць будоўлі; / Святыні пад неба зірнуць, / Цямніцы пабелай бліснуць...» [4, с. 244].

природных явлений, к которым человек обращается с неизменным сопереживанием и сочувствием:

Хмаркі цёмныя, моі братанькі!
Вецер голе вас без дарожанькі,
А нігде-ж для вас нема хатацькі...
Адпачыпеце аж у Божанькі!

Францішак Багушэвіч [4, с. 234 – 235]

Однако в белорусской классической культуре не только проявляются характерные для всех восточнославянских традиций принципы персонификации и олицетворения стихий и сил природы, но и развивается идея глубинной, сакральной связи между состоянием природных процессов и состоянием человеческой души:

Эй, ты, Сівер, пе дзьмі!..
Не патрэбен ты нам,
Ад палудню цяплу з табой ходу няма!
Хоць бы раз без цябе заруцець бы палям,
Хоць бы раз у свой час адышла бы зіма!
Устрапянуўся-бы дух у чалавечай грудзі!..

Янка Лучына [4, с. 235]

Таким образом, природная среда выступает для белорусского крестьянина не только в качестве среды обитания, но и как непосредственный источник жизненных и духовных сил. Язык природы внятен и близок человеку:

...Гэты лес, хоць ён і немы,
Але скрозь ціш халаднай дрэмы...
Вядзе з Міхалам казкі-мовы...
Тут частка жыцця ляспікова.

Якуб Колас [4, с. 270]

Столь же ярко белорусская культура прописывает и встречный эмоциональный вектор: душевные движения, чувства и чаяния человека не остаются внешними для природных явлений, находят в жизни природы свой отклик. Именно на струнах древесных стволов играет скрипач песню начальная недоли в поэте Франтишка Богушевича «Смык»:

І наш енк і стоп
У бары-б лунаў!
Каб бярозу раз
Пацягнуў смыком,
Япа вечны час
Раўла б з мужыком!..

Францішак Багушэвіч [4, с. 234]

В белорусской культуре отчетливо вырисовывается тема единства микро- и макрокосма:

Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,
Улажылі спаць мяне вы на зямлі...
Бачу я, з прыродай зліўшыся душой,

Як дрыжаць ад ветру зоркі нада мной,
Чую ў цішы, як расце трава...

Максім Багдановіч [4, с. 253]

Именно на этой, лично окрашенной, эмоционально прочувствованной основе — осознании неразрывного единства потаенно-экзистенциального в человеке и потаенно-сакрального в природе — оформляется в белорусской культуре ярко выраженная тема защиты и охраны живого. Эта традиция закладывается уже в начале XIX века Яном Чечотом, создавшим проникнутые пантисистическим пафосом стихотворения, взывающие к человеческому состраданию от имени щемяще незащитной и уже раненной человеком природы:

Плакала бяроза ды гаварыла:
«Ці ж у вас па гэта я заслужыла,
Штоб вы мяне парубалі
І кроў маю пасасалі?
Я вам пры дарозе, як дзяўчо, стаю...
За што ж вы сячэце мяне без віны?..»

Ян Чечот [4, с. 255 – 256]

Более того, от очевидных экофильных установок, т.е. от любви к природе, от понимания ее важности, значимости белорусская культура поднимается к общему осмыслению проблемы *человек — природа*, вырабатывая базисный мировоззренческий идеал антропосоциоприродной гармонии. В рамках этой гармонии ценности экологического порядка теснейшим образом сопрягаются с социокультурными ценностями этнонационального плана.

В национальном самосознании неразделимыми оказываются природные, эстетические, моральные, религиозные аксиологические структуры. Чрезвычайно показателен в этом плане сюжет Франтишка Богушевича о том, как крестьяне, насильно сгоняемые в церковь, предпочитают чужому храму родной лес, ведя разговор с Богом в пуще и адресуя свои молитвы деревьям:

Кожны ў нядзелю раненька ўстапе,
Апрапуўся, абуўся, памыўся,
І марш у лясы, як папы на паўстанне.
А там, у пущы, гдзе-кольвек збяруцца,
Чытаюць малітвы і плачуць шчэра;
Скончаць малітвы і разайдуцца,
Вось і ўся была тут вера.
Самі сабе хрысціліся з вады...

Францішак Багушэвіч [4, с. 263]

Природа трактуется в белорусской классике не как абстрактная среда обитания, но как *родная природа*, понятая в качестве и Богом

данного богатного дара, и в качестве воспринятого от предков наследия, кое надлежит сохранять, ибо только с ним возможна и личная, и национальная самоидентификация.

Ад прадзедаў спакоп вякоў
 Мне засталася спадчына;
 Паміж сваіх і чужакоў
 Яна мне ласкай матчынай. <...>
 І ў белы дзень, і ў чорну поч
 Я ўсцяж раблю агледзіны,
 Ці гэты скарб не сбрыву дзе проч,
 Ці трутнем ён не з'едзены.
 Нашу яго ў жывой душы,
 Як вечны светач-полымя,
 Што сярод цемры і глушы
 Мне свеціць між вапдоламі.
 Жыве з ім дум маіх сям'я
 І спіць з ім сны пязводныя...
 Завецца ж спадчына мая
 Ўсяго Старонкай Роднаю.

Янка Купала [4, с. 265 – 266]

Известные строчки Янки Купалы выражают именно эту мировоззренческую традицию отношения к природе как ко вверенному человеку наследию, которое он должен передать потомкам и которое выступает гарантом определенности как личного, так и национального самосознания.

Таким образом, для белорусской культуры характерна комплексная трактовка отношений человека и природы. Человеческая природоустроительная деятельность, организованная ритмом сельскохозяйственного цикла, мыслится как органично вписанная в природный процесс: она не только не нарушает его исходных закономерностей, но и способствует их реализации.

Бытие крестьянина практически артикулировано сельскохозяйственным трудом:

Адна работа за другою
 Ідзе-плыве сваёй чаргою,
 То ў агародзе, то на полі
 І не спыняецца ніколі;
 І так у клопаце, у рабоце...
 Вясна мінецца, прывдзе лета...

Якуб Колас [4, с. 246]

И это слияние человека с хозяйственными и — посредством их — природными процессами оценивается в белорусской классической культуре как максимальная ценность:

...Шчасце раю,
 Я шчасця большага не знаю,
 Ці знаць яго ўжо не прышлося,
 Як толькі тут, па сенакосе...

Якуб Колас [4, с. 248]

Неразрывная связь с возделываемой землей, вписанность в контекст природной жизни, в общи естественные закономерности мироздания, — всё это дает человеку ни с чем не сравнимое ощущение подлинности бытия, обретения истинного места под солнцем и исполнения своего предназначения, что выступает фундаментальной основой чувства собственного достоинства:

Як сама царыца
 Ў залатой кароне,
 Ідзе яна ў вяшочку
 Паміж спелых голяў.

...
 Вецер абнімае
 Стап яе дзявочы,
 Сонца ёй цалуе
 Шыю, твар і вочы.

...
 Смела йдзе ў сонцы,
 Ўся сама — як сонца,
 Гэта жнейка паша
 Ў пашаей старонцы.

Янка Купала [4, с. 239 – 240]

В этом контексте совершенно особое значение в белорусской культуре обретает тема «своей земли», артикулированная как в конкретно-личном, так и в общенациональном плане.

Хозяйственно-практическое овладение землей, ее аграрное преобразование предполагают органичную влеченность человека в естественные циклы природной жизни, что обуславливает формирование эмоционально-личностного и даже интимного планов восприятия земли в народном сознании. Земля выступает в белорусской традиции в качестве не просто верховной, но — абсолютной ценности. Именно о земле говорит человек в самые сокровенные и экзистенциальные минуты своей жизни: и перед смертью — Михал в цоэме Якуба Коласа «Новая зямля» [4, с. 271], и наедине с любимой женщиной — Василь Дятлик в более поздней «Полесской хронике» Ивана Мележа («Людзі на балоце»). Так, у Максима Богдановича читаем:

Як Базыль у паходзе канаў,
 Ўсё старопку сваю спамінаў.
 — Вы прашчайце, прашчайце, шнуры,
 Вы прашчайце, пегаранья!
 Мне вас болі ўжо не гараць,
 Буйным збожжам на зары не засяваць.
 — Не пабачу я цябе, цёмны луг,
 Поле чыстае раздольнае!

Максім Багдановіч [4, с. 272]

Горсть родной земли, как святой оберег, спасает белоруса на чужбине:

Умёр бы то, мусіць, я тут,
Каб не жменька той родная зямлі...

...
А другім, што даваў, дык і не!
Не памог і не шкодзіў нікому,
Бо зямля не па іх, а па мне.
Значыць, трэба зямлі мець аж з дому.
Яна давяла і дадому мяне,
Бо і ёй па чужоі старане
Так не хочацца быць, як і нам,
Дык таскуе, як мы, яна там.

Францішак Багушэвіч [4, с. 264 – 265]

Более того, белорусская национальная культура классического периода во многом сохраняет традиционные архетипы видения отношений человека и природы, которые характерны для аграрных культур и выражаются в одушевлении растений, животных, камней и др. Белорусский крестьянин мыслит себя сыном земли: «дзеткі Маці-Зямлі нашай» говорит о белорусах Франтишек Богушевич. Земля выступает как Мать — подательница Жизни, как животворная основа человеческого бытия и гарант его гармонии с мирозданием. Так, в поэме «Новая зямля» Якуба Коласа встречаем следующее обращение к земле:

Дзень добры, новая мясціна!
Спаткай мяне, як маці сына
Ад часу доўгае разлукі,
І разгарні прыветна рукі
Для тых, хто змушаны ў няволі
Жывіцца хлебам твайго поля;
Зірні ты светлым вокам ласкі,
Авей крылом прыгожай казкі,
Каб гэта жыцце-пуцявіна
Была нам светлая часіна;
Узброй надзеямі нам грудзі,
Бо мы твае, зямелька, людзі!

Якуб Колас [4, с. 269]

Таким образом, земля для белоруса — это не просто среда обитания, не просто условие жизни, она — своего рода субстрат бытия. По формулировке Якуба Коласа, земля —

То — наймацнейшая аспова
І жыцця першая ўмова.
Зямля не зменіць і не здрадзіць,
Зямля паможа і дарадзіць,
Зямля дасць волі, дасць і сілы,
Зямля паслужыць да магілы,
Зямля дзяцей сваіх не кіне...

Якуб Колас [4, с. 271]

Классическая национальная культура, таким образом, репрезентирует сохраненную в ее архетипах традиционную тенденцию сакрализации земли — тенденцию, которая выражается в отождествлении крестьянином себя с этим священным для него субстратом бытия. Именно этими глубинными основаниями освящено неизбывное стремление крестьянина к обретению своей земли, что становится аксиологической доминантой крестьянского менталитета. Важно понимать, что речь здесь идет не только и не столько о приобретении земельного участка, сколько об обретении именно своего земельного *надела* как *доли* — во всей многозначности этого белорусского слова: и как обретения, нахождения своего места в мире, позволяющего *участвовать* (как неотъемлемой *части, доли*) в его сакральном движении, и как счастливой (именно в силу этого) судьбы.

Хачу мець зямельку і мру без работы,
А чую, што сілы трываюць пакуль,
Я рад працаваць да крывавага поту...

...
Глядзіце, зямелькі вось сколькі пустуе!
Аблогам марпуецца сколькі пасек?
А я даў бы рады, мне ж сіл не бракуе.
Без працы чы ж можа пражыць чалавек?

Уладзіслаў Галубок [4, с. 265]

«Куніць зямлю, прыдбаць свой кут» — так афористично выражает это мотивационное мировоззренческое *credo* Якуб Колас.

Содержание художественных текстов позволяет говорить о том, что для культуры белорусской классики характерна особая ценностная установка, которая унаследована от автохтонной традиционной культуры и может быть обозначена как своего рода *синдром Антея*: разлука с землей воспринимается как выпадение из вселенской гармонии, по-антеевски небезопасное и делающее человека уязвимым:

...О, край мой мілы!
Усёй душою
Хачу злучыцца я з табою,
У тваіх палях пазычыць сілу...

Якуб Колас [4, с. 270 – 271]

В наиболее яркой и эксплицитной форме эта мировоззренческая установка выражена у Максима Богдановича:

Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя,
Як вецер валіць поўны колас па раллі, —
Ўдыхнула моц у грудзі сына мацер Гея,
І вось, цвярдэ, як дуб, яшчэ, чым перш, сільнее,
Ён, напружыўшыся, падняўся ўраз з зямлі.

Паломаны жыццём, чакаючы магілы,
Радзімая зямля, прынікнуў я к табе,
І бодрасць ты ўліла ў слабеючыя жылы,
Зварушыла маёй душы драмаўшай сілы,
І месца ў ёй з тых пор няма ўжо больш жалбе.

Максім Багдановіч [4, с. 272]

В этом контексте индустриализм, урбанистическое направление развития общества мыслилось в классической белорусской культуре не только как негативная в экологическом отношении тенденция («...Глядзі! Горы паразрыты, / А чыгункай свет абвіты...» у Францішка Богушевича), но и гораздо глубже — как путь к утрате человеческой самости. По оценке Максима Богдановича, горожанин

Заводаў коміны падняў у выш нябёс,
А сам даўно спячы ад слёз...

Максім Багдановіч [4, с. 261]

Фактически урбанистическая среда выступает как зона нарушения космических закономерностей. Восприятие города носителем традиционного сознания наглядно и выразительно зафиксировано Якубом Коласом:

Эх, божи люд! Якая сіла
Цябе віхрамі закруціла?
Куды ідзеш, чаго шукаеш?
Які ў сэрцы смутак маеш?

...

Няма ў вачах тваіх прывету,
Як бы не рады сонцу, свету.

...

Быў дзядзька ў пушчах, у барох
І расчытаў іх голас мог,
І з старасвецкімі дубамі
Каротка знаўся, як з сябрамі.
А тут — адзіл, бо ўсе чужыя,
Не знаеш, хто яны такія,
І сам сабе ты чужаціца.
На камяціцы камяціца,
Не згледзець неба край за імі,
І ціснуць сцэнамі сваімі.

Якуб Колас [4, с. 249]

Целительный контакт с животворной природой — вот единственное спасение для индуст-

риального общества, вырванного из естественного для человека хода вещей:

Цэлы дзень я за брудным сталом
Цэлы дзень скуру цвёрдую скроб,
Стаючы ўкапаным сталбом,
Я задухай атрутнаю соп.
Не глядзеў і не бачыў нічуць,
Што там ёсць на двары за акном:
Ці там ветры халодныя дзьмуць,
Ці зямелька спавіта цяплом.
Навакола чатыры сцяпы,
А па іх запляснеўшая столь,
У сабе захавалі яны
Усю крыўду, жадашце і боль.
Вось і вечар... Цяпер я на міг —
На адзіл — сваё шчасце знайду,
Кіпу-рыпу ўсё і ўсіх
Ды ў поле я к лесу пайду.

Цішка Гартны [4, с. 251]

В целом, говоря об экосоциальной гармонии как идеале классической белорусской культуры, можно зафиксировать то обстоятельство, что в контексте белорусского национального самосознания природа интерпретируется чрезвычайно полисемантически, причем соотносится в национальном менталитете с высшими смысложизненными и духовными ценностями. Как сказано в известном предисловии к библейской книге «Юдифь», «понеже от прирождения звери, ходящие в пустыне, знают ямы своя; птицы, летающие по воздуху, ведают гнезды своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобныя бороняць ульев своих; — тако же и люди, игде зародилися и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имають» (*Францыск Скарына [4, с. 149]*).

Таким образом, земля мыслится в белорусской классике не просто как национальное достояние, но как национальная святыня и, более того, — как гарант национальной самодостаточности. «Зямля — аснова ўсёй айчыне» — эти слова Якуба Коласа могут служить афористическим выражением ориентации белорусской культуры на синтез социо-природных и социокультурных ценностей.

1. *Борнгард-Левин, Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. — М., 1980.
2. *Кроль, Ю. Л.* «Коррелятивное мышление» и древнекитайское представление о внешней причине // Общество и государство в Китае. — М., 1973.
3. *Лао-Цзы.* Трактат о Пути и Потенции (Дао-Дэ Цзин) // Антология даосской философии. — М., 1994.
4. Экологическая мысль восточных славян : антология / ред.-сост. М. А. Можейко. — Мн. : Красико-припт, 1995.
5. *Needham, J.* Science & Society in East & West // The Grand Titration. — Lnd., 1969.
6. <http://www.peace.ru/tolerance/news/cul-div.htm>.